

КРИСТИНЪ

1815-й годъ.

Крестинъ.

Москва 15 марта.

Наконецъ, дорогая и милая княжна, я могу продолжать переписку, настолько же дорогую мнѣ, какъ и пріятную: уже шесть дней, какъ я вернулся. Но дорогой я захватилъ простуду, отъ которой страдалъ три дня такъ ужасно, что думалъ сойти съ ума. Я сильно ослабъ, и еще не могу выходить, но надѣюсь, что Обергъ завтра выпуститъ меня на свободу.

Байковъ хотѣлъ сдѣлать непріятность г-жѣ де Нуазевиль, чтобы угодить г-жѣ Гурьевой, которая ее не любитъ. Онъ выставилъ ее близкимъ другомъ г-жи Хюсъ. Правда, что г-жа де Нуазевиль написала письмо, рекомендуя Николая, а затѣмъ записку, извѣщавшую о полученіи обширнаго письма отъ г-жи Хюсъ; но этимъ и ограничилась эта переписка, бывшая у меня въ рукахъ, и, повѣрьте мнѣ, не переступившая извѣстныхъ границъ. Она не можетъ подать повода къ критикѣ, развѣ только со стороны господъ подобныхъ Байкову, хватающихся за все, что даетъ пищу ихъ саркастическому уму, готовому все чернить. Этотъ Байковъ, называющій себя другомъ графа Маркова, отзывался о немъ хуже, чѣмъ вся челядь, т. е. гувернеры, гувернантки и т. п., по привычкѣ жалующаяся на хозяевъ. Графъ, между тѣмъ, говорилъ мнѣ, что взял на себя трудъ доказать Байкову всю безсовѣстность аббата и открылъ ему причины, заставившія отказать ему отъ мѣста. Байковъ поддакивалъ графу, а отъ него отправлялся къ аббату и передалъ все слышанное, представляя графа въ смѣшномъ видѣ. Я недавно убѣдился въ этомъ здѣсь, и если бы у меня уже 12 лѣтъ не существовало серьезныхъ причинъ быть лично недовольнымъ Байковымъ, я предупредилъ бы графа; но такъ какъ это

могли приписать враждѣ съ моей стороны, то я смолчалъ. Это же мѣшаетъ мнѣ считать Байкова за негодяя, для котораго нѣтъ ничего святого, и тѣмъ болѣе опаснаго, что въ разговорѣ онъ остроумень и пріятень.

Я, конечно, не одобряю де-Местра, что онъ занимается миссіонерствомъ, вмѣсто того чтобы ограничиваться ролью посланника. Мнѣ показывали письмо одного іезуита, утверждающаго, будто Императоръ отвѣтилъ по поводу доклада о молодомъ Голицынѣ, что не стоило его беспокоить изъ за такого ребячества. Напишите мнѣ, правда ли это.

Вы меня спрашиваете, что я думаю о конгрессѣ; я уже не утруждаю себя предположеніями, но терпѣливо жду газеты, которая рано или поздно сообщитъ пункты договора; тогда я постараюсь найти ихъ превосходными и быть ими довольнымъ. Потому что, къ чему повела бы критика? Въ сущности, съ тѣхъ поръ, какъ Наполеонъ на Эльбѣ, а компанія 12 года доказала, что на Россію нельзя нападать безнаказанно, я спокоенъ за все остальное. Желая жить и умереть въ Россіи, я очень радуюсь мысли, что не увижу больше въ ней войны. Я радовался бы, видя возвращеніе благосостоянія и зажиточности, которыя я видалъ прежде; меня радовало бы сознаніе, что она сильна внутри, уважаема извнѣ и что ее боятся, какъ то возможно. А если бы все это не осуществилось, то я постарался бы удовлетвориться увѣренностью въ мирѣ, обезпеченномъ для страны, и примирился бы съ дороговизной сахара, кофе, сукна, полотна и прочихъ необходимыхъ мнѣ предметовъ. Я сошью себѣ фракъ меньше, сорочки стану дѣлать изъ перкаля, вмѣсто голландскаго полотна, и авторы XVII вѣка будутъ утѣшать меня въ томъ, что я не получаю произведеній XIX-го, такъ какъ запрещеніе съ книгъ, повидимому, не предполагаютъ снять, вѣроятно, ради поощренія русскаго книгопечатанія.

Я, конечно, приписываю ваше желаніе молчать дурному началу. Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Вы говорите слишкомъ коротко, чтобы это желаніе исходило изъ добраго начала; и поэтому совѣтую вамъ бороться съ нимъ изъ всѣхъ силъ.

Буду очень радъ повидаться съ Гурьевымъ, но вы не сообщаете мнѣ ничего новаго, говоря, что свадьба невозможна. Г-жа Гурьева только съ прошлаго года придерживается своего настоящаго образа мыслей; прежде мысль объ этомъ союзѣ, повидимому, привлекала ее,

но благодаря аббату, выставившему ей на видь недостатки г-жи Хюсъ и возстановившему всѣхъ противъ нее, г-жа Гурьева, которую нельзя причислить къ умамъ сильнымъ, тоже поддалась общему настроенію, хотя, ничто не измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ она лелѣяла эту мысль. Аббатъ причинилъ еще много другихъ неудачъ и страданій, и наконецъ былъ позорно изгнанъ за тысячу лицемѣрныхъ поступковъ. Не сомнѣваюсь, что г-жа Гурьева порицаетъ графа за его желаніе быть хозяиномъ у себя въ домѣ; хорошо было бы если бы онъ всегда былъ имъ. Что касается потери Александра Гурьева, она, безъ сомнѣнія, велика; на мой взглядъ эта была бы самая лучшая партія для Маркова. Будемъ надѣется, что найдется другая такая же, подходящая; въ два года многое можетъ устроиться. Теперь дѣвочку даже еще нельзя выдать замужъ. Будьте увѣрены, что я не обмолвлюсь ни однимъ словомъ обо всемъ, что вы мнѣ говорили по этому поводу; впрочемъ, графъ потерялъ всякую надежду въ этомъ отношеніи. Досадно, что не видалъ вашего ошпареннаго дыпленка, графа Вальполя, но можетъ быть, еще представится случай. Мнѣ также не удалось застать г-жу де Шуазель, которая уѣхала отъ графа какъ разъ, когда я пріѣхалъ. Сдѣлайте мнѣ удовольствіе: сообщите, что вы думаете о характерѣ этой женщины. Я знаю, что она любезна, красива и изящна, поэтому не станемъ касаться всѣхъ этихъ сторонъ. Я васъ спрашиваю только, что вы думаете о ея характерѣ, и имѣю свою причину, предлагая вамъ этотъ вопросъ.

Княжна Туррестанова.

С. Петербургъ, 11 марта.

Г-жа Апраксина ѣдетъ завтра въ свою возлюбленную Москву, и я думаю, что вы будете у нея. Познакомьтесь съ ея дочерью Наталіей, прелестной особой; бывайте въ этомъ домѣ; у меня есть предчувствіе, что это знакомство принесетъ вамъ, если не счастье, то по крайней мѣрѣ удовольствіе. Съѣздите въ имѣніе Апраксиной, просто чтобы прокатиться, а такъ какъ нынѣшнимъ лѣтомъ у нея, вѣроятно, будетъ сестра Строгонова, то это даетъ вамъ случай познакомиться съ нею. Это не трудно сдѣлать, потому что графиня Строгонова встрѣтится съ знакомымъ.

Вотъ я занимаюсь тѣмъ—какъ васъ устроить на лѣто, а сама положительно, не знаю,—какая меня ждетъ судьба на это время. Мое желаніе—поселиться на Каменномъ островѣ, и если Татіана возьметъ тамъ

дачу, мы, можетъ быть, поселимся у нея, а иначе рѣшительно не знаю, куда дѣваться: съ той обузой, которая у меня на рукахъ, дѣло не такъ легко устроить, какъ если бы я была одна. Я еще не получила отъ васъ извѣстій изъ Летичева, но княгиня Борисъ говорила мнѣ, что вы писали чудеса о Николаѣ. Она отъ этого въ такомъ восторгѣ, что рассказывала мнѣ со слезами на глазахъ. Я, право, была бы очень довольна, если бы молодой человѣкъ вполне исправился, и если бы его набожность была неподдѣльной и нелицемѣрной. Расскажите мнѣ о немъ и напишите, не заставило ли васъ видѣнное переменить взглядъ на послѣдствія, которыя можетъ имѣть это знакомство. Спрашиваю у васъ это лично для себя, а не для того, чтобы передавать другимъ. Шулеповъ освѣдомлялся у меня, правда ли, что Маркова выходитъ замужъ за Николая. Я отвѣтила, что ничего не знаю, и что объ этомъ никогда не было при мнѣ рѣчи у княгини Борисъ—что совершенная правда. Впрочемъ если итальянское путешествіе продолжится два года, не мало воды утечетъ за это время. Мы ожидаемъ Государя на Пасхѣ; всѣ письма въ одинъ голосъ сообщаютъ это; онъ не остановится въ Берлинѣ, а только пробудетъ нѣсколько дней въ Варшавѣ. Императрица Елизавета прибудетъ послѣ него.

Кристинъ.

Москва, 18 марта.

Увѣряю васъ, дорогая княжна, что вы балуете сестру слишкомъ внимательнымъ уходомъ и снисходительностью. Еслибъ она не чувствовала такой поддержки, если бы вы обращали меньше вниманія на все, что ее волнуетъ, она сама замѣтила бы, что ей слѣдуетъ меньше поддаваться своей склонности къ грусти или своимъ незначительнымъ недомоганіямъ. Такъ какъ ея болѣзнь затягивается, вамъ слѣдуетъ подумать о себѣ, чтобы быть въ состояніи вынести все это въ продолженіи долгаго времени; надо составить систематическій планъ, который включалъ бы въ себѣ заботы о больной въ необходимой мѣрѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ заботу и о вашемъ здоровьѣ. Можете отдавать ей много вашего времени, но надо его сохранить и для себя—для исполненія обязанностей и даже для развлеченій. Вы можете удѣлять ей отъ вашихъ доходовъ столько, сколько возможно; но, смотрите, не коснитесь капитала въ химерической надеждѣ вылѣчить ее въ Германіи. Болѣзнь настолько же душевную какъ физическую, нельзя исцѣлить такимъ то или инымъ климатомъ; тутъ могутъ помочь обстоятельства, и онѣ могутъ встрѣтиться или не встрѣтиться въ любой странѣ. Дѣлая все возможное для княжны Екатерины, старайтесь терпѣливо

ждать послѣдствій, зависящихъ отъ Провидѣнія, на которое вамъ слѣдуетъ положиться въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ. Стало быть, не мучайтесь понапрасну.

Смерть маленькаго Рибопьера ужасное несчастье. Г-жа де Нуазевиль сообщаетъ мнѣ, что отецъ и мать переносятъ его съ покорностью судьбѣ, внушающей еще болѣе симпатіи къ нимъ. Я очень мало знаю Рибопьера, но его трудъ—постоянство показываютъ мнѣ его въ весьма выгодномъ свѣтѣ, Г-жа де Нуазевиль говоритъ о неудачахъ... Но развѣ молодая женщина не богачка по отцу и матери, дающей ей на все?... Но я поминаю графа Θεодора... Боже мой, неужели избытокъ долженъ ожесточать сердца тѣхъ, кто имъ пользуется! Если такъ, то я предпочитаю пользоваться своими ограниченными средствами, хватающими только на самое необходимое, но при томъ имѣть сердце чистое и сострадательное.

Я видѣлъ г-жу Толстую и ея мужа и встрѣтилъ у нихъ г. Бенкендорфа; котораго не зналъ; я чуть было не сказалъ: „*Такъ вотъ онъ этотъ фениксъ!*“ Это относится лишь къ наружности. Такъ какъ мнѣ не пришлось говорить съ нимъ, то я не могу судить о его умѣ. Говорятъ, что онъ не глупъ. Я еще не видалъ Гурьева; пойду къ нему сегодня. Я знаю вотъ уже четыре дня о его женитьбѣ на *Eudoxie*, но такъ какъ мнѣ это было сообщено подъ секретомъ, то я и не писалъ вамъ ничего, увѣренный, что вы также объ этомъ знаете черезъ петербургскую родню. Графъ Толстой разрѣшилъ мое молчаніе, и поэтому сообщаю вамъ о томъ, что для васъ уже, вѣроятно, не новость. Графиня очень довольна, и я ее понимаю, потому что, повторяю еще разъ: молодой Гурьевъ—жемчужина между русской молодежью.

Не знаю, что отвѣтить вамъ на ваши вопросы о Николаѣ. Правда, что я высказывалъ свое хорошее мнѣніе о немъ: онъ добръ и прямъ; но въ концѣ моего пребыванія онъ показалъ себя съ дурной стороны, сдѣлавъ такую глупость, что я имѣлъ полное право быть имъ недоволенъ. Пришлось бы написать цѣлый томъ, чтобы познакомить васъ со всей этой исторіей; со временемъ и при случаѣ расскажу вамъ ее. Аббата Маккара прогнали какъ плута, выведеннаго на свѣжую воду и Тартюфа, а глупый князь Николай вздумалъ взять его сторону, говоря съ графомъ, и притомъ такъ рѣзко, что старикъ не могъ не обидѣться. Однако не могу предвидѣть, чѣмъ это кончится, потому что графъ становится очень безхарактеренъ и окруженъ людьми, способными побудить его на поступки, несогласные съ самоуваженіемъ,

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ 16 марта.

Поведеніе аббата Маккара совершенно непослѣдовательно; ему не дѣлаетъ чести, что онъ впутался во всю эту исторію, но не думаю, чтобы имъ руководилъ какой-либо личный интересъ. Его привязанность къ дѣвчкѣ вполне естественна, онъ заботится о ея счастья и можетъ быть перспектива, которую онъ предвидитъ для нея, если она лишится отца въ Италіи, внушило ему желаніе видѣть ее замужемъ. И въ то же время ему подъ руку попадаетъ молодой человекъ, но лишенный привлекательности и чрезвычайно набожный, онъ рѣшилъ, что сдѣлаетъ прекрасное дѣло, приобрѣтя его для своей воспитанницы. Николай же вѣроятно, прельстилъ его фразами, имѣющими извѣстную цѣну для аббата. Можетъ быть онъ счелъ его за маленькое совершенство, и исходя изъ этого, ко всему отнесся одобрительно. Но тѣмъ не менѣе я повторяю, что милый наставникъ совершенно напрасно затѣялъ всю эту интригу подъ сурдинку, хотя преступленія въ томъ не вижу. Съ другой стороны, по моему г. Марковъ, съ своей обычной подозрительностью, вездѣ видитъ ужасы, а затѣмъ эта несдержанность, которой я не понимаю: онъ совѣтуетъ Николаю молчать, а самъ все рассказываетъ Сенъ-Про, Байкову, Ланжерону. Это совершенный абсурдъ. Мадамъ де Нуазевиль, посѣтившая меня вечеромъ, принесла мнѣ массу писемъ: два отъ васъ, одно отъ влюбленнаго и одно отъ графа. Я нашла письмо влюбленнаго очень глупымъ; *монастырь или красавица*—это нелѣпость. Письмо г. Маркова неопредѣленно и сухо, ваши—смѣсь благоразумія съ шуткой. Я вамъ тоже скажу: не понимаю, почему вы вступаете въ переписку съ мальчикомъ и въ 50 лѣтъ становитесь повѣреннымъ любви, которой, повидимому, не суждено окончиться бракомъ. Если вы находите, что этотъ бракъ могъ бы состояться, то тѣмъ лучше; если же не находите, то зачѣмъ же поддерживать мысль о немъ въ сердцѣ или головѣ Николая? Это, безъ сомнѣнія, будетъ основаніемъ его переписки; но дѣйствительно ли вы увѣрены, что онъ будетъ говорить съ вами всегда, положивъ руку на сердцѣ. И не подумаетъ; можно побиться объ закладъ, что онъ не откажется отъ своей роли Амадуса; онъ станетъ выражаться его языкомъ, если даже въ душѣ у него не будетъ чувства: онъ считаетъ своимъ долгомъ выдерживать характеръ страстно влюбленнаго кальпренедовскаго героя, и скажите мнѣ, на что вамъ всѣ эти красивые фразы, и къ чему поведутъ всѣ эти письма? Вижу, что вы никогда

не исправитесь, и что ваше сердце, совѣтовъ котораго вы всегда слушаетесь больше, чѣмъ головы, еще не разъ заставитъ васъ многому поучиться въ жизни. Я ни съ кѣмъ не дѣлилась этими размышленіями, милый Крестинъ, и сообщаю ихъ только вамъ, основываясь на своей искренней дружбѣ. Не обижайтесь.

Вы уже знаете животрепещущую новость: т. е. бѣгство Бонапарта съ острова Эльбы. Мадамъ де Нуазевиль, вѣроятно, переслала вамъ всѣ газеты, сообщающія о этомъ происшествіи. Я просматривала *Moniteur*; онъ интересенъ: декретъ короля очень хорошъ и вполне соблюдена мѣра; поведеніе маршаловъ обнаружить ихъ истинныя чувства; и почти нѣтъ сомнѣній, что они станутъ за правое дѣло. Приѣмъ сдѣланный Наполеону въ Антибакъ показываетъ, что, повидимому, не было никакого соглашенія; не понимаю чѣмъ вызванъ этотъ поступокъ: если бы онъ высадился въ Неаполѣ, это бы еще имѣло смыслъ, но броситься во Францію, не имѣя увѣренности, что тебя тамъ хорошо примутъ—это полное безуміе. Графъ Литта и князь Александръ Салтыковъ полагаютъ, что дѣло гораздо серьезнѣе, чѣмъ намъ его рисуютъ. Но я не вижу, какъ бы онъ могъ удержаться, и можетъ быть, въ настоящую минуту все уже кончено. Поэтому, больше чѣмъ когда нибудь: „Да здравствуетъ король!“

Крестинъ.

Москва, 25 марта.

Бонапартъ двинулся въ походъ, а княжна Туркестанова вернулась къ своимъ заблужденіямъ, и излишнее повторять это; что говорится въ Москвѣ, наученной опытомъ, хотя здѣсь и не получается никакихъ извѣстій. Вы, повидимому, думаете, что я знаю о высадкѣ негодяя въ Антибакъ, а между тѣмъ я это узнаю отъ васъ. Встрѣченный имъ приѣмъ доказываетъ, по вашему, что не было соглашенія... Но, скажите же, ради Бога, что это была за встрѣча? Мы не знаемъ ничего, возьмите это въ толкъ, и ради Бога сообщайте намъ впредь всѣ подробности, какіе услышите объ этомъ авантюристѣ. Будьте увѣрены, что больше узнать не у кого.—Что касается вашего заклинанія о несдержанности графа Маркова, что оно совершенно справедливо. Но, какъ хотите, годы и праздная жизнь въ деревнѣ причиною всему этому, и въ этомъ отношеніи бѣда не поправилась. Переписка же предложена Николаю съ цѣлью предупредить другіе способы сообщенія и не дать молодому человѣку упасть духомъ: такъ какъ его предложеніе не встрѣтило отказа, и дѣло только отсрочено

на два года,—подъ условіемъ выполненія предписанныхъ условій. Первое же условіе—возвращеніе въ гвардію: это единственное, что можетъ снять пятно, тяготѣющее на немъ. И я сказалъ ему по просьбѣ графа: „Сообщайте мнѣ все, что съ вами случится счастливаго, и ваши письма будутъ въ подлинникѣ отсылаться графу“. Больше ничего не было. Но и этого не будетъ, потому что онъ все порвалъ, какъ сумашедшій, Я не считаю его годнымъ въ мужа неопытной 17 лѣтней дѣвушкѣ. Онъ самъ, будучи не глупъ, не даетъ никакой гарантіи въ своемъ поведеніи въ будущемъ. Несомнѣнно, что онъ не былъ виноватъ во всемъ этомъ дѣлѣ до того времени, пока аббатъ не получилъ отказа отъ мѣста и онъ сдѣлалъ глупость, объявивъ себя въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ защитникомъ его передъ всѣмъ свѣтомъ. Онъ сдѣлалъ сцену графу Маркову и между прочимъ сказалъ ему: „Ваша дочь умретъ, если вы не вернете ей этого достойнаго наставника, единственнаго человѣка, пользующагося нѣкоторымъ довѣріемъ съ ея стороны“.

Ахъ! Прочелъ я *Conservateur* и полученные письма, полныя подробностей случившихся происшествій. Повидимому, всякая страсть, доведенная до крайности, превращается въ сумашествіе, и умъ Корсиканца помутился отъ честолюбія. Иначе, развѣ онъ высадился бы во Франціи съ тысячью человѣкъ, не удостовѣрившись предварительно, что найдетъ тамъ сильную партію, способную его поддержать. Съ удовольствіемъ вижу, что не ограничиваются полумѣрами, но повели дѣло противъ него серьезно, не жалѣя денегъ: рѣшеніемъ конгресса онъ объявленъ *внѣ закона* во всей Европѣ. Не могу себѣ представить, что съ нимъ будетъ, и подъ какимъ предлогомъ можно бы его примирить съ цивилизаціей! Это отъявленный разбойникъ, Картушь во второмъ изданіи; и если бы даже вся французская армія перешла на его сторону, если бы онъ прибылъ въ Парижъ, изгналъ оттуда королевскую семью, то, что изъ всего этого вышло бы для Франціи, кромѣ новыхъ несчастій, еще горше прежнихъ? Европа знаетъ, что соединившись противъ Франціи, она легко одолѣетъ послѣднюю. Мы снова бы увидали все, чего уже были свидѣтелями годъ тому назадъ, и война окончилась бы пораженіемъ французовъ, отъ которыхъ, навѣрное потребовали бы болѣе надежныхъ гарантій, чѣмъ въ первый разъ. Что касается Бонапарта, то его поймаютъ и разстрѣляютъ.

Княжна Туркестанова.

С.-Петербургъ, 30 марта.

Стоило ли, милый Крестинъ, проѣхать 2500 верстъ, отбить себѣ бока, наконецъ заболѣть, ради того, чтобъ вмѣшаться въ дразги,

брызги которых могли бы долетѣть и до васъ. Я лучше всѣхъ знаю что вы не способны вредить кому бы то ни было и лично принимать участіе въ сплетняхъ, но не всѣ повѣрятъ этому. Изгнаніе аббата приписывается здѣсь исключительно всей кликѣ г-жи Хюсъ, воспользовавшейся слабостью графа; но если узнаютъ, что вы были тамъ въ то время, и особенно, если аббать прибудетъ въ Петербургъ, гдѣ у него много друзей среди дамъ, будте увѣрены, что его смѣщеніе припишутъ вамъ. Онъ будетъ говорить съ Гурьевой, съ Тутолминой, расскажетъ имъ все, что вздумается, и ему повѣрятъ, а мнѣ придется съ огорченіемъ слушать, какъ васъ станутъ обвинять, и я не буду въ состояніи васъ облить изъ за моей привязанности къ княжнѣ Борисъ, сына которой пришлось бы коснуться, возстановляя истину. Много бы я дала, чтобъ вы не выѣзжали изъ Москвы, и вся эта исторія разыгралась безъ васъ. Байковъ ѣдетъ въ Подолію, графъ, по слабохарактерности, непременно сообщитъ ему все, и такъ какъ онъ слишкомъ много сдѣлалъ вамъ зла въ былое время, чтобы считаться вашимъ другомъ, то онъ станетъ на сторону аббату и въ письмахъ сюда постарается представить его бѣлѣе снѣга.

Надѣюсь, что вся эта исторія съ Николаемъ канетъ въ воду, потому что полкъ, гдѣ онъ служить, получилъ приказъ выступить, и въ настоящее время его, вѣроятно, уже нѣтъ въ Войтовцахъ. Умы успокоятся, и время довершитъ остальное. Не могу скрыть отъ васъ, что княгинѣ Борисъ все это крайне непріятно, и она доходитъ до сожалѣнія, что сынъ ея попалъ въ этотъ домъ. Я ее утѣшаю, говоря ей тоже, что вамъ: „*все забудется*“. Но путешествіе графа въ Италію откладывается. Мыслимо ли путешествовать при теперешнихъ обстоятельствахъ!

Всѣ смущены происходящимъ во Франціи и съ ужасомъ видятъ возобновеніе страшной войны. Все, сдѣланное за 1814 г. сводится къ нулю, время бѣдствій кажется готово вернуться, и пожаръ снова охватить всю Европу.

Я узнала о свадьбѣ *Eudoxie* изъ эстафеты, отправленной Гурьевымъ родителямъ. Они тотчасъ по полученіи извѣстія послали за мной. Они очень довольны, они желаютъ этого союза и говорили мнѣ о немъ вскорѣ послѣ моего возвращенія сюда. Вы, конечно, поймете, что я не дѣйствовала противъ интересовъ *Eudoxie*: она дочь графа Толстого, и сердце мое этого никогда не забудетъ. Я нахожу, что это большое счастье для этой молодой дѣвушки, и увѣрена, что вступивъ

въ семью, подобную семьѣ Гурьевыхъ она со временемъ станетъ женщиной очень *comme il faut*.

КРИСТИНЬ.

Москва, воскресенье, 4 Апрѣля, вмѣсто понедѣльника 5.

Вы понимаете то смертельное нетерпѣніе, въ которомъ живутъ здѣсь въ ожиданіи развязки дѣлъ во Франціи, наводящихъ меня на мрачныя мысли, съ тѣхъ поръ какъ увѣряють, что Сульфъ, военный министръ, стоитъ во главѣ заговора...

Не мое путешествіе вызвало отказъ аббату; это было рѣшено еще до моего отъѣзда, и вы должны помнить, что Байковъ уже рассказывалъ вамъ о прошедшемъ. Но мое пребываніе тамъ послужило къ тому, чтобы доказать собственными признаніями Николая, что аббатъ одинъ виноватъ во всемъ происшедшемъ. Пусть Гурьева и Тутолмнина думаютъ, что имъ угодно, я очень храбро признаю свое участіе. Вы будете совершенно правы, выслушивая молча порицанія мнѣ; вамъ не повѣрили бы, если бы вы вздумали меня оправдывать, и васъ могли бы заподозрить въ пристрастности. Сохраните желаніе помочь мнѣ до другого случая, или безъ случая; такое желаніе всегда само по себѣ хорошая вещь, которую я умѣю цѣнить, какъ она того заслуживаетъ. Если г-жа де Нуазевиль показала вамъ,—какъ я надѣюсь—письмо Николая ко мнѣ, вы изъ него познакомитесь съ аббатомъ и его милымъ характерцемъ. Люди могутъ думать, что имъ угодно, правда всегда останется правдой. Аббатъ Маккаръ ужасный пройдоха и способенъ на величайшія преступленія подъ маской лицемѣрія. Я хорошо знаю; что касаться ханжи, какой-бы лицемѣръ онъ ни былъ,—это значитъ возстановлять противъ себя всѣхъ, даже истинно набожныхъ, и собирать надъ своей головой грозу; но нѣтъ причины скрывать свой образъ мыслей, когда высказать его является долгомъ.

Событія во Франціи глубоко огорчаютъ меня, и я жду всего худшаго. Война снова возгорится, и Богъ знаетъ какія повлечетъ за собой несчастья. Но будьте увѣрены, что Бонапартъ никогда не станетъ тѣмъ, чѣмъ былъ, и что соединившись противъ него, его разобьютъ; а когда разобьютъ—повѣсятъ, развѣ только онъ найдетъ возможность бѣжать въ Америку. Но и въ этомъ случаѣ бѣгство лишитъ его вліянія на его собственной родинѣ.

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ, 5 апрѣля.

Я очень хорошо знаю, что вы живете въ порядочной трущобѣ, но не подозрѣвала, что колодезь этотъ такъ глубокъ, что вы не знали даже о бѣгствѣ Бонапарта; мнѣ кажется даже, что въ то время, когда я вамъ рассказывала о его высадкѣ въ Антибакъ, вы думали, что онъ еще на Эльбѣ. Ахъ, Боже мой, какое счастье, если бы онъ еще пребывалъ тамъ! Но съ тѣхъ поръ многое двинулось впередъ.

Письмо изъ Вѣны отъ 19/31 марта, пришедшее вчера, сообщаетъ о огромныхъ приготовленіяхъ со всѣхъ сторонъ и выражаетъ надежду, что это возобновленіе военныхъ дѣйствій будетъ непродолжительно, но энергично. Герцогъ Веллингтонъ уѣхалъ 30 марта въ Брюссель, гдѣ приметъ начальство надъ англо-бельгійской арміей; Англія посылаетъ много войска въ Голландію, даже англійская гвардія будетъ посажена на суда. Испанія обязалась ввести во Францію 80 тысячъ человекъ. Со стороны нашего Государя еще не принято никакого рѣшенія: онъ только объявилъ, что отправляется въ Прагу, между 12 и 15 апрѣля, чтобы пропустить мимо себя всѣ корпуса русской арміи. Всѣ свитскіе генералы и адъютанты получили приказаніе немедленно выѣхать въ Регенсбургъ. Мы поэтому распрощались съ этими господами.

Къ числу приспѣшниковъ Бонапарта, которыхъ газеты называютъ министрами, надо прибавить Коленкура, снова получившаго портфель министерства иностранныхъ дѣлъ. Послы и иностранные министры при Людовикѣ XVIII почти всѣ остались въ Парижѣ, за недостаткомъ лошадей, чтобы выѣхать. Г-жа Остерманъ пишетъ изъ Рима, что Испанія вся перебудоражена. Мюратъ объявилъ войну и двинулъ армію въ верхнюю Италію. Онъ просилъ пропуска черезъ Папскія владѣнія, но получилъ отказъ. Папа и кардиналъ выѣхали изъ Рима 22 марта. Три кардинала—Литта, де ла Сомалия и Габріелли остались въ качествѣ правительства. Говорятъ, что до сихъ поръ только два маршала, Ней и Даву, заявили себя сторонниками Бонапарта. Даву сдѣланъ военнымъ министромъ; всѣ остальные—за короля; время и ихъ поведеніе покажутъ намъ, насколько на нихъ можно рассчитывать. Итакъ герцогъ Веллингтонъ будетъ командовать въ Бельгіи; армія принцевъ, роялистовъ,—которыхъ не думаю, чтобы было много,—будутъ стараться удержаться на сѣверной границѣ Франціи, среди крѣпостей. Блюхеръ командуетъ пруссаками и другими нѣмецкими войсками между Майнцемъ и

Люксембургомъ. Большая армія верхняго Рейна, состоящая изъ 80 тысячъ австрійцевъ, 160 тысячъ русскихъ, 30 тысячъ виртембергцевъ и 30 тысячъ баварцевъ, будетъ находится подъ начальствомъ князя Шварценберга. 120 тысячъ австрійцевъ будутъ оперировать въ Италіи вмѣстѣ съ королемъ Сардиніи. По газетамъ, командовать тамъ будетъ герцогъ Карлъ, но это назначеніе не подтверждается письмами изъ Вѣны. Вчера говорили, что Ожеро перешелъ на сторону Наполеона, сегодня же газеты, напротивъ, утверждаютъ, что онъ съ королевскими войсками въ Фонтенебло и что Бонапартъ выступилъ изъ Парижа, противъ него. Которая изъ этихъ версій вѣрна, неизвѣстно. Фактъ тотъ, что Парижъ въ настоящее время раздѣленъ на три партіи, готовые броситься другъ на друга: бурбонистовъ, якобинцевъ и бонапартистовъ. Повидимому Наполеонъ ухаживаетъ за второй и думаетъ воспользоваться ею, какъ орудіемъ, годнымъ для выполненія его плановъ, чтобы затѣмъ уничтожить и ее по своей макиавеліевской системѣ. Сколько еще прольется крови! Однимъ изъ первыхъ своихъ декретовъ Наполеонъ отмѣнилъ континентальную систему, и странно, что мы ее сохраняемъ здѣсь, на берегахъ Невы, къ великой прибыли контрабандистовъ и монополистовъ. Это, вѣроятно, для того, чтобы доказать, что мы всегда идемъ въ разрѣзъ съ мнѣніями Бонапарта.

Скажите мнѣ, съ своей стороны, правда ли, что на одну изъ колоколенъ Кремля усѣлся филинъ и кричитъ день и ночь, а вы, москвичи, ходите его слушать, какъ оракула. Правда ли также, что по Тверской ходитъ женщина въ лохмотьяхъ, влача за собой цѣпи и предсказывая разгромъ? Въ такомъ случаѣ, жалѣю Наталію Абрамовну Пушкину, живущую въ первомъ этажѣ, видящую и слышащую ее. Но, шутки въ сторону, скажите мнѣ, не пустыя ли это рассказы и не вздумайте передать это г-жѣ Апраксиной, которая можетъ вообразить, что я смѣюсь надъ Москвой, отъ чего меня Боже сохрани.

КРИСТИНЪ.

Москва, 15 апрѣля.

Ваше посланіе отъ 5 числа и утѣшило и огорчило меня, дорогая княжна, оно сообщаетъ о почти всеобщей измѣнѣ и огромныхъ приготовленияхъ къ сопротивленію общими силами этому вырвавшемуся на свободу чудовищу, изрыгнутому адомъ противъ Европы, которую онъ, вѣроятно, покроетъ трауромъ и зальетъ слезами. Да сохранить Господь согласіе между союзниками.

Въ интересѣ всѣхъ одинаково уничтожить человѣка, къ которому они сочли возможнымъ отнести великодушно. Но на мой взглядъ Бонапартъ не единственная личность, которую слѣдовало бы объявить виѣ закона: французская нація вообще нанесла окончательный ударъ своей репутаціи и вычеркнула себя изъ списка націй, съ которыми Европа можетъ договариваться. Эта нація, побѣжденная годъ тому назадъ и достойная, чтобы противъ нея были приняты крайнія мѣры, между тѣмъ видѣла со стороны побѣдителей лишь милосердіе и великодушіе; эта армія, которой возвратили безъ выкупа 150 тысячъ плѣнныхъ, эта столица, на счетъ которой можно бы отстроить Москву и которую ласкали и ублажали—однимъ словомъ, вся Франція, называвшая государей побѣдителей своими освободителями и сваливавшая всю отвѣтственность за войну на одного Бонапарта,—вся она перешла подъ иго тирана безъ тѣни сопротивленія. Ни одинъ голосъ не поднялся за законнаго короля; ни одна рука не взялась за оружіе для его защиты.... Это не нація, это разнузданная солдатчина, желающая жить грабежомъ, это народъ безвольный, лишенный моральнаго мужества, подчинившійся первому начальнику, представленному ему арміей. Таковы были римляне, когда скиптромъ распоряжались преторіанцы! Вотъ что считали за Великую Націю, вотъ люди, которыхъ проворности завидовали и которымъ годъ тому назадъ говорили: „изберите себѣ правительство, мы не хотимъ вмѣшиваться въ ваши внутреннія дѣла“. Въ-место того, чтобы сказать просто: „бунтовщики, вотъ вашъ король, бросьтесь къ его ногамъ и просите у него прощенія; а что касается узурпатора, которому вы подчинились, то мы поступимъ съ нимъ по правиламъ справедливости и праву войны“. Само собой разумѣется, Бонапартъ тотчасъ бы и исчезъ съ лица земли. Конечно, при подобномъ ходѣ дѣла газета лишилась бы не одной филантропической статьи, но міръ могъ бы жить спокойно, Бурбоны остались бы мирными владѣтелями своего наслѣдія, и всѣ государи Европы подтвердили бы свои права болѣе дѣйствительнымъ образомъ, чѣмъ съ помощью громкихъ фразъ. Увѣряю васъ, что атаманъ Платовъ окончилъ бы войну 1814 г. одинъ гораздо лучше, чѣмъ парижскіе уполномоченные. То, что я вамъ высказываю теперь при своемъ отчаянномъ настроеніи, я думалъ годъ тому назадъ въ минуты величайшей радости, на которую всякая политическая мѣра набрасывала покрывало опасеній и боязни за будущее. Это роковое будущее незамедлило развиться и притомъ такимъ образомъ, какъ никому не могло прійти въ голову. Теперешній переворотъ ни на что не похожъ; онъ непостижимъ! Двадцать пять милліоновъ людей хладнокровно соглашались вызывать къ себѣ ужасъ и презрѣніе со стороны рода людскаго, раздѣлять съ тираномъ, ко-

торый станеть ихъ мучить, общественную и частную ненависть, въ то же время подвергая себя риску заплатить дорого за свой позоръ и глубокое униженіе, когда сотни овладѣють этой ненавистной Франціей, не заслуживающей болѣе никакого снисхожденія какъ нація, такъ какъ она не представляетъ ни малѣйшей гарантіи въ соблюденіи самыхъ священныхъ договоровъ, между націей и законнымъ королемъ, подкрѣпленныхъ всенародной присягой, а также и между спасшими его и ея государями. Слѣдуетъ сохранить для вѣчнаго позора французовъ газеты 18, 19 и 21 марта нынѣшняго года и сравнить ихъ стиль: это одно уже масштабъ для измѣренія этого презрѣннаго сброда, который смѣють называть націей... Этого собранія самыхъ позорныхъ и чудовищныхъ преступленій, прикрытаго лакомъ цивилизаціи, въ концѣ концовъ являющейся лишь тщеславіемъ, гордостью и себялюбіемъ.

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ, 9 апрѣля.

Хотя я вамъ писала съ послѣдней почтой, но вотъ еще бюллетень, который я во что бы то ни стало хочу направить къ вамъ. Эстафета, полученная вчера изъ Риги министромъ внутреннихъ дѣлъ, принесла извѣстіе, что партія французскаго короля усиливается и, повидимому, сплочивается; два полка покинули бонапартовскія орды и присоединились къ королевскимъ полкамъ. Герцогъ Ангулемскій находится въ Провансѣ, гдѣ Массена держитъ сторону короля; весь югъ поднялся за Бурбоновъ; Лионъ и Гренобль заняты королевскими войсками; однимъ словомъ Бонапартъ принужденъ, чтобы удерживать ихъ всѣхъ, разсѣивать своихъ солдатъ, и надѣются даже, что онъ такъ же быстро уйдетъ изъ Парижа, какъ вступилъ въ него. Король поселился въ замкъ Лакенъ близъ Брюсселя. Герцога Беррійскаго чуть было не задержали при его выѣздѣ изъ Лилля и онъ съ трудомъ добрался до Менена; *Moniteur* ничего не говоритъ о Массена, Миоло и Марешалѣ, начальствующими надъ войсками въ Провансѣ; сообщеніе съ Югомъ совершенно прервано, почтмейстеры получили приказаніе сжигать всѣ письма, приходящія изъ этихъ провинцій. Молчаніе *Moniteur*'а и эти предосторожности, повидимому, доказываютъ, что дѣла Наполеона не вполнѣ розоваго цвѣта и что энтузіазмъ, возбуждаемый имъ, по его хвастливому выраженію, существуетъ только на столбцахъ *Moniteur*'а. Герцогъ Фельтернъ вернулся изъ Англіи и снова состоитъ при королѣ. Англій-

скія войска уже высадились въ Голландіи съ весьма значительнымъ артиллерійскимъ паркомъ. Антверпенъ объявленъ на осадномъ положеніи. Болѣе ста тысячъ человекъ—англичанъ, ганноверцевъ и голландцевъ—собрано во Фландріи; Веллингтонъ принялъ командованіе. Говорятъ, что въ Парижѣ масса арестовъ; рѣшетка Тюилери заперта, патрули солдатъ подъ командой офицеровъ ходятъ по улицамъ, распѣвая революціонныя пѣсни. Бонапартъ уничтожилъ всякую цензуру и самъ сталъ во главѣ этой отрасли управленія: каждому автору или типографу, не раздѣляющему его мнѣніе, грозитъ участь несчастнаго Пальма. Если онъ разстрѣлялъ его въ Германіи, то, понятно, не постѣснится съ своими. Говорятъ, что онъ присутствовалъ на засѣданіи самыхъ завзятыхъ якобинцевъ и кричалъ вмѣстѣ съ другими. Тамъ провозгласили свободу и равенство; и даже, доходить до того, что рассказываютъ, будто онъ принялъ титулъ „императора-гражданина“, и въ этомъ, несмотря на видимое противорѣчіе, нѣтъ ничего невѣроятнаго. Есть здѣсь ясновидящіе, утверждающіе, что этотъ революціонный заговоръ ведетъ свое начало изъ Фонтенебло, гдѣ главный актеръ разыгралъ отреченіе, а окружающіе—покорность и вѣрность. Что вы думаете объ этомъ?

Николай положительно сумашедшій; для него было бы счастьемъ, еслибъ онъ попалъ подъ пулю, какъ ему желалъ отецъ, отправляя его въ армію.

КРИСТИНЬ.

Москва, понедѣльникъ, 19 апрѣля.

Христось Воскресе, дорогая, добрая княжна! У меня выбралась одна минута между пасхальными визитами, чтобы сообщить вамъ, что я получилъ ваше письмо № 14 отъ 9-го, и чтобы поблагодарить васъ. Мнѣ стыдно за родъ человѣческой, что къ нему принадлежать Ней и ему подобные. Вотъ до чего упало во Франціи чувство долга, которымъ такъ кичилась эта нація, вотъ ея любовь къ ея королямъ, вотъ ея *честь!* Боже, въ какой вѣкъ мы живемъ! Всѣ кровавые ужасы революціи не запятнали и не унизили французовъ въ моихъ глазахъ такъ, какъ эта послѣдняя измѣна народа и арміи. Да поддержитъ Господь согласіе среди союзниковъ: это якорь спасенія для Европы, это послѣдняя надежда цивилизаціи. Я содрогаюсь, слушая все, что говорятъ здѣсь люди, считающіеся умными. Одни доходятъ до утвержденія, что Бурбоны уже не могутъ царствовать, что надо отыскать генерала, который

основаль бы династію. Какъ будто за 25 лѣтъ не слишкомъ удалились отъ принциповъ, и какъ будто не въ томъ причина половины происходящаго зла. Если бы державы пожелали признать Людовика XVIII королемъ въ день смерти Людовика XVII, если бы онѣ отказались отъ переговоровъ съ республикой, что могло случиться худшаго, и сколько блага изъ того бы воспослѣдовало! Но когда законные повелители народовъ подчиняются законамъ, диктуемымъ бунтовщиками, послѣднихъ исполняютъ смѣлость и надежда.

Какой государь могъ бы надѣяться передать скипетръ своему потомству, если бы теперь они отдали тронъ Франціи иностранцу? Во Франціи царствуетъ французскій генераль, другой—въ Неаполѣ, третій въ Швеціи... Повидимому достаточно, чтобы и другіе мечтали занять троны на такихъ же основаніяхъ: по праву сильнаго, подкрѣпленному подкупомъ. Нѣтъ, Бурбоны необходимы больше, чѣмъ когда либо; но имъ надо дать ту возможность править, которой они не могли добиться годъ тому назадъ. Не надо конституціи, прощающей царубійцу; не надо Бонапарта у границъ Франціи; не надо предателей вокругъ трона! Боже, сколько ихъ! И какія глубокія, черныя предательства! Генераль Бертранъ, новооткрытый товарищъ чудовища, на мой взглядъ, единственный честный человѣкъ во Франціи, съ тѣхъ поръ какъ обнаружилось поведеніе другихъ.

Я раздѣляю мнѣніе тѣхъ, кто думаетъ, что все было подстроено въ Фонтенебло, и что бѣдный Людовикъ XVIII былъ жертвой мистификаціи со времени въѣзда во Францію до дня своего выѣзда. И другіе государи тоже были жертвой ея не меньше его, и, надѣюсь, не простятъ этого. У нихъ есть возможность отомстить; но что за борьба предстоитъ. Наполеонъ и его измѣнники будутъ знать, что война на смерть и станутъ драться отчаянно.

Кремлевскій филинъ—басня петербургскаго изобрѣтенія; также я не слыхалъ о Сивиллѣ, влачащей за собой цѣпи: но увѣряютъ, что это дѣйствительно произошло, и ее отвезли въ сумасшедшій домъ, гдѣ она можетъ пророчествовать, сколько ей угодно. Кстати о этомъ домѣ. Г-нъ Титовъ, также, скоро попадетъ туда: онъ уже не знаетъ, что и придумать, чтобы занять собою общество и промолчалъ все время отъ Вербнаго воскресенья до четверга на Страстной, когда причащался. Онъ далъ такой обѣтъ, и этой странностью окружающіе воспользовались, чтобы наговорить ему тысячу колкостей. Ваша сестрица, Sophie, между прочимъ, не пощадила его. Онъ не зналъ, куда дѣваться, но не хо-

тѣль нарушить обѣта. Однако, не будучи въ состояніи вынести этого съ христіанскимъ смиреніемъ и страдать молча, онъ ей плюнулъ въ лицо вмѣсто отвѣта. Въ среду вечеромъ, въ послѣдній день его обѣта, графъ Толстой забавлялся, плутуя въ шашки. Какъ вамъ извѣстно, это его слабая струнка, онъ ужъ не выдержалъ и воскликнулъ: „знаете ли вы, что вы играете какъ разбойникъ!“ На это графъ ему отвѣтилъ: „но, Титовъ, развѣ не лучше было бы поздороваться, войдя, чѣмъ браниться?“. Онъ отвѣтилъ, неистово топая ногой. Вообще у него все странности и странности; это его существованіе—ну, и пусть его.

